

*«Алешка» и «Аннушка»:
Ахматова и Алексей Толстой в Ташкенте*

I

Тема "Ахматова и Толстой" неудобна и аллергенна с обеих сторон. Это неудобство заслоняет от нас целый литературоведческий пустырь, на котором обильно всколосились вопросительные знаки. Отношения Толстого и Ахматовой в сороковые годы, как они описаны в последних сочинениях компилятивного и бульварного жанра¹, отнюдь не исчерпывают эту сложную главу литературной истории, в которой поражает обилие резких поворотов и переоценок.

Начинается эта тема еще до знакомства протагонистов, в 1908 г. в Париже, когда Гумилев сближается с Толстым и рассказывает ему о своей попытке самоубийства в конце 1907 года, на парижском городском валу. Анна Горенко впервые увидела Толстого в конце 1909 года, когда он вместе с Гумилевым (сразу же после нашумевшей дуэли того с Волошиным) и Михаилом Кузминым приезжает в Киев выступать на вечере «Остров искусств». Знакомство ее с Толстым произошло в Петербурге на Масленицу 1910.

Толстой присутствует на праздновании свадьбы Гумилева и Ахматовой в Москве (венчались они в Киеве). Присутствует Толстой и на прощальном вечере 13.09.1910 - перед отъездом Гумилева в Африку. В конце 1910 г. Гумилев затевает Цех Поэтов, в котором поначалу участвует и Толстой. Жена Толстого Софья Дымшиц дружит с Ахматовой и ходит с ней вместе в гости. Русалки и мавки из стихов Толстого 1909 г. несомненно отразились в «Русалке» Ахматовой (1911). В 1911-1915 гг. Толстой создает галерею претенциозных декадентских героинь, в которых запечатлены те или иные узнаваемые черты Ахматовой: Зоя в рассказе «Ночь в степи», Елена Грацианова в пьесе «Спасательный круг эстетизму», Салтанова в неоконченном романе «Егор Абозов». После революции Толстой воспринимает новую гражданскую славу Ахматовой и открывает первый номер своего Литературного приложения к газете «Накануне» двумя до тех пор не печатавшимися в России стихотворениями Ахматовой «Земной отрадой сердца не томи» и «Как мог ты, сильный и свободный». По возвращении Толстой, как это описывается у Ю. Молока, украшает двойным портретом Ахматовой и Судейкиной обложку первого

¹ 1. Окланский Ю. Беспутный классик и кентавр. М. 2009. Гл.5 passim.

советского издания (соответственным образом приспособленного к новым нуждам) своего эмигрантского романа «Хождение по мукам» (Издание автора. Ленинград, 1925)².

В шестидесятых годах высказывания Ахматовой о Толстом, как правило, отрицательные. Судя же по записям середины двадцатых, тогдашнее ахматовское отношение к Толстому в это время было иным – гораздо более заинтересованным. В ахматовских высказываниях того времени звучит сочувствие к Толстому, проецирующееся и назад, на их бывшее приятельство. Мало-помалу Ахматова вновь разочаровывается в Толстом. Когда Аманда Хейт пишет, что она Толстого «не желала знать, из-за твердого предубеждения против эмигрантов», можно по-разному комментировать ахматовское неодобрение Толстого 1930-х годов – но кажется, что его эмигрантский эпизод повинен в нем меньше, чем толстовское общественное и литературное поведение.

В тридцатые годы они не видятся. Ахматова все более не одобряет Толстого. Зимой 1934 г., приехав в Москву спасать арестованных мужа и сына, она спрашивает Эмму Герштейн «Вы помните агитки Рылеева?», цитирует первую рылеевскую строфу и заявляет «Так вот, *некто* написал продолжение:

Где Ягода-злодей
Не гонял бы людей
К стенке,
Где Алешка Толстой
Не снимал бы густой
Пенки.³

Однако, можно предположить, что террор, разворачивающийся в сталинской России в середине 1930-х, обратил внимание Ахматовой на петровские параллели, а в частности, и на роман Толстого «Петр I» (1929) -- первый том которого кончается стрелецкой казнью. Во фрагменте «Реквиема», датированном 1935 г., она писала «Буду я, как стрелецкие женки,/ Под кремлевскими башнями выть». Именно в «Петре» Толстого приводятся страшные подробности: под башнями (но не кремлевскими, а московскими) выли вдовы казненных стрельцов, потому что царь велел всунуть бревна между бойницами московских стен и на каждом бревне повесить по двое стрельцов – детали, взятые из

² Молок Ю. Каменя на обложке. (К истории одной мистификации). Опыты. Журнал эссеистики, публикаций, рецензий, хроники. Париж. №1. 1994. С. 128; прим. 29, там же. С.142.

³ Э. Г. Герштейн. Тридцатые годы. // Воспоминания об Анне Ахматовой. Сост. В.Я. Виленкин и Н.А. Черных. М.1991. С. 255. В записной книжке Ахматовой глаголы в этом тексте стоят в настоящем времени: «не гоняет», «не снимает»: Записные книжки Анны Ахматовой, С.392.

дневников очевидцев. В 1940 году Ахматова использует «петровские» мотивы в «Стансах» -- «стрелецкая луна»; «В Кремле не можно жить – Преображенец прав» (сама эта мысль, возможно, восходит к описанию московской поездки у де Кюстина). В стихотворении Ахматовой 1944 г. цитируется сцена из толстовского романа (также основанная на документальных материалах) -- страшные муки закопанной по горло в земле женщины, участь которой облегчает царь: «Лучше б я по самые плечи/ Вбила в землю проклятое тело,/ Если б знала, чему навстречу,/ Обгоняя солнце, летела.» Конечно, все эти мотивы можно было прочесть в дневниках и мемуарах иностранцев, которые использовал Толстой, но трудно отрицать, что большая часть читателей узнавала о них из толстовского романа. Интересно, что Ахматова, охотно критиковавшая «Хождение по мукам», никому и никогда не сказала не единого слова о «Петре».

В 1935 г. Толстой разводится с Крандиевской, в четвертый раз женится и переезжает в Москву, где после смерти Горького занимает место первого писателя. Он оказывается на вершине славы и почета. Однако власть относится к нему с некоторым подозрением⁴.

В 1938 г. вторично арестовывают сына Ахматовой Л.Н.Гумилева. В 1939 г. в судьбе Ахматовой происходит резкий перелом: видимо, после того, как Сталин на одном из совещаний спрашивает, почему не печатается Ахматова, впервые после долгих 17 лет вынужденного молчания ее начинают печатать в журналах, в 1940 г. принимают в Союз писателей, и, наконец, в 1940 году выходит сборник ее стихотворений «Из шести книг»⁵. Книгу эту помогает Ахматовой издать Алексей Толстой. Она распродана в один миг, за нее стоят в очередях, дерутся и платят астрономические суммы на черном рынке. В «Литературной газете» ее давний хулигатель критик В.Перцов печатает о ней весьма одобрительную статью (правда, возмущившую своим тоном многих писателей). Толстой был руководителем секции литературы Комитета по Сталинским премиям. На заседании секции Толстой выдвинул книгу Ахматовой на Сталинскую премию. Однако секретарь

⁴ Ср.: «В июле 1939 года секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Андреев сообщал И. В. Сталину в связи с проектом Указа Верховного Совета СССР о награждении писателей, что "в распоряжении НКВД имеются компрометирующие в той или иной степени материалы". При этом подчеркивалось, что сведения, касающиеся Толстого, "заслуживают внимания", хотя "ничего нового, не известного до этого ЦК ВКП(б), эти материалы не дают".

("Литературный фронт". История политической цензуры 1932 - 1946 гг. Сб. документов / Сост. Д. Л. Бабиченко. М., 1994. С. 38 – 39). В январе 1939 года Толстой получил орден "Знак почета", но не орден Ленина, как это было в 1938 году, после повести "Хлеб"». --Перхин В. В. А. Н. Толстой в Русском Берлине (по материалам допроса Г. Д. Венуса в 1938 году). Русская литература. 2000 №1, С.179 и сл.

⁵ Сопутствующие сюжеты суммированы в Р.Д.Тименчик. Анна Ахматова в 1960-е годы. Москва-Торонто. 2005. С. 294-295 (Сн. 16). Автор цитирует в этом контексте замысел А.В. Белинкова -- связать выход сборника 1940 г. с резким изменением идеологической концепции в обстановке приближающейся войны, требующей консолидации общества. --Указ. соч. С.296. (Сн. 19).

ЦК КПСС и А.А. Жданов уже подготовил об ахматовском сборнике отрицательный отзыв и наложил на него резолюцию в духе позднейшего постановления⁶. Начальник Агитпропа Г.Ф. Александров жаловался Жданову, что стихи Ахматовой усиленно популяризирует Алексей Толстой»: Агитпроп предлагал взыскать с недоглядевших чиновников и усилить политический контроль. Издательское начальство получило выговор, и не только о Сталинской премии речи больше не было, но и уже вышедший сборник Ахматовой приказано было уже 29 октября «изъять», хотя изъять раскупленное издание можно было только из библиотек.

Отношения Толстого с Ахматовой в это время, по всей вероятности, улучшились. В 1940 г. он сказал ей, что никакая война не принесла таких потерь, как ежовщина – это предполагало некоторую степень обоюдного доверия⁷.

Непосредственно с Ахматовой Толстого столкнула эвакуация в Ташкент в ноябре 1941 г. Ахматову вывозят из осажденного Ленинграда в конце сентября 1941 г. в Москву, в октябре она едет к Лидии Корнеевне Чуковской в Чистополь, а в ноябре 1941 г. обе они оказываются в Ташкенте. Толстой переезжает в Ташкент из Куйбышева в конце ноября 1941 г. С началом Отечественной войны Толстой вообще стал действовать решительнее⁸. В Ташкенте у него большие возможности влияния.

В это время он занят пьесой об Иване Грозном. Идея написать о Грозном пришла ему еще в 1935 г.; в 1938 его вызвал Сталин, и, видимо, тогда и состоялся разговор о Грозном. За зиму 1941-42 г. Толстой написал пьесу «Иван Грозный» (впоследствии она стала известна как первая часть драматической дилогии «Иван Грозный» – «Орел и орлица»), и в феврале отправился в командировку в Куйбышев, где он должен был участвовать в работе Комитета по Сталинским премиям. Во время этой командировки он закончил пьесу и роздал ее членам Комитета. Пьеса была восторженно встречена в кулуарах и -- еще до

⁶ Д.Л. Бабиченко. Писатели и цензоры. С.46. Ср. у Р.Тименчика о двойной роли в этой истории Фадеева.-- Указ. соч. С. 297 (Сн.20).

⁷ Э. Герштейн вспоминает: «А с А.Н. Толстым у Ахматовой были впоследствии вполне корректные отношения. В 40-м году он сказал Анне Андреевне, что никакая война не принесла таких грандиозных потерь русскому народу, как ежовщина. Анна Андреевна мне тогда же об этом сказала» (Э.Герштейн. Указ. соч. там же.).

⁸ В.В. Перхин в вышеуказанной статье пишет, что Алексей Толстой от имени всех московских писателей, находящихся в Ташкенте, поставил перед узбекским ЦК вопрос о необходимости полной реорганизации и обновления руководства Союза писателей СССР. Он считает, что Толстой покушался на авторитарный характер Союза писателей, намеревался изменить систему писательской жизни, возникшую после Первого съезда советских писателей, «звал к децентрализации художественной жизни, по сути к возрождению ситуации начала 1920-х годов -- одним словом, вновь выступил как неформальный лидер, каковым был, возглавляя группу, сложившуюся вокруг Литературного приложения к "Накануне"». Помимо берлинских амбиций Толстого, исследователь упоминает и его пребывание во главе Клуба писателей в Москве во второй половине 1930-х. (Перхин В.В., указ.соч. passim).

публикации текста -- выдвинута на Сталинскую премию. В ожидании хороших новостей, в которых он практически уверен, Толстой в Ташкенте щедро помогает Ахматовой.

Между ними происходит некоторое сближение. В конце февраля Ахматова присутствует на чтении Толстым в Наркомпросе этой его новой пьесы об Иване Грозном. На следующий день она, обсуждая пьесу с Лидией Чуковской, сказала: «Я хочу сделать ему одно замечание: у него сказано: многие крестятся и снимают шапки. Разумеется, все, а не многие. А то выходят так: одни крестятся, а другие берут девок и идут в кусты»⁹. Где-то в это же время Толстой в Союзе писателей поднял за Ахматову тост «за первого русского поэта»¹⁰.

Лидия Чуковская записала 27 февраля 1942 о том, что Ахматова была приглашена к Толстому в гости читать «Поэму без героя», «очень не хотела, но я ее уговорила.<...>¹¹(48). «Вечером она зашла за мной, и мы вместе отправились к Толстому. Левик читал Ленору и Ронсара. Толстой – сказку о Синеглазке. Очень глупый композитор Половинкин исполнял музыку на стихи Уткина, предварительно исполняемые автором. NN читала поэму; Алексей Николаевич заставил ее прочесть поэму дважды, ссылаясь на все ту же знаменитую трудность и непонятность. По-моему, он и после двух раз не понял. Говорил об общности с символизмом – неверно. Помянул «Было то в темных Карпатах» -- некстати. Одно он сказал верно, что эта поэма будет иметь большую историю.¹² (49) (Обсуждая этот разговор с Чуковской, Ахматова «возмущалась очень горячо словами Толстого за столом о «ясности Пушкина»¹³ (50).

Толстой ахматовскую поэму не только сам хвалил, но и от других требовал к ней лояльности: в записках Чуковской упоминается эпизод, когда Толстой напустился на Липскерова за то, что ему поэма не понравилась, ср.: «Вчера на улице Костя Липскеров учинил мне скандал: зачем я сказала Тихонову, что ему, Липскерову, не нравится моя поэма? А дело тут вот в чем: Тихонов, очевидно, где-нибудь в high life'истом месте об

⁹ Л.К. Чуковская. Из Ташкентских тетрадей. Записки об Анне Ахматовой. 1938-1941 т. Т.1. М. «Согласие», 1997. С. 402.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 403.

51. Там же.

52. Там же.

53. Там же. С. 407.

54. Чуковская, указ. соч. Т.2. С.80.

55. Ее же, указ. соч. Т.1. С. 408.

56. Там же. С.407.

57. Ахматова А. Проза о поэме. <Письмо к NN>. <http://anna.ahmatova.com/tvorchestvo/prozao.htm>

58. Записные книжки Анны Ахматовой. С. 730, 442

¹³ Там же. С.406.

этом упомянул – у Пешковых или у Толстых – Костя же там вращается и страшно этим гордится, думая, что эти дамы и в самом деле высший свет, в то время как...

Я ему ответила: -- Голубчик, я не пойму, если это не секрет от *меня*, то от кого же это еще может быть секретом? А если хотите ругаться – идемте ко мне в комнату, здесь холодно... Он пошел, но не ругался, а оправдывался (видно уж Толстой его при дамах пристыдил!) “мне поэма понравилась, только я не хотел, чтобы в Вашем творчестве было что-нибудь литературное”¹⁴. 5 марта 1942 г. Ахматова с Чуковской были на вечере у Е.П. и Н.А.Пешковых: «...пили, ели, попросили NN читать. Публика была самая разная. NN все спрашивала меня, “что читать”, через стол, а я, как всегда, не знала»¹⁵ (52). По подсказке Чуковской Ахматова, в числе прочих, прочла поэму «Путем всея земли». Чуковская записала тогда же :

«Толстой сказал: -- Хотите вы или нет, знаете об этом или нет, но Вы сейчас двигаете вперед русскую поэзию этими двумя вещами, “Поэмой” и “Путем”. Они совершенно новы и пр.

То есть, то самое, что сказала ей я после первого куска поэмы. И по поводу “Путем”»¹⁶. (53).

В 1953 г. Чуковская напомнила Ахматовой об этом вечере: из записи ее явствует, что на нем произошел конфликт: «Я напомнила Анне Андреевне, как в Ташкенте мы были с ней вместе у Толстых; там, после ужина, Алексей Николаевич просил Ахматову читать стихи; она отнекивалась, не знала что, и, наконец, недовольно спросила меня: “Скажите, Лидия Корнеевна, что читать?” Я посоветовала “Подвал памяти”. Она прочла. И тут вдруг Толстой на меня напустился: “Зачем вы такое подсказываете? К этому нечего возвращаться!” Мне хотелось ему ответить как в анекдоте: “Простите, господин учитель. Не я написал “Евгения Онегина”»¹⁷. От этого эпизода в ташкентских записях Чуковской сохранилась только тень в виде замечания о «своей неуместности» и пушкинской цитаты о «неотразимых обидах» из стих. «Воспоминание»¹⁸. (Обидой дышат и тогдашние записи Чуковской о Толстом: «Толстой похож на дикого мужика. Нюхом отличает художество, а когда заговорит – в большинстве чушь, как в прошлый раз о простоте Пушкина и о том, что поэма «воскрешает символизм».¹⁹

¹⁴ Там же.

57. Ахматова А. Проза о поэме. <Письмо к NN>. <http://anna.ahmatova.com/tvorchestvo/prozao.htm>
58. Записные книжки Анны Ахматовой. С. 730, 442

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. С. 407.

¹⁷ Чуковская, указ. соч. Т.2. С.80.

¹⁸ Ее же, указ. соч. Т.1. С. 408.

¹⁹ Там же. 57.

В 1965 г. Ахматова в «Прозе о поэме» писала:

«Вы не можете себе представить, сколько диких, нелепых и смешных толков породила эта "Петербургская повесть". Строже всего, как это ни странно, ее судили мои современники, и их обвинения сформулировал в Ташкенте Х., когда он сказал, что я свожу какие-то старые счеты с эпохой (10-е годы) и людьми, которых или уже нет, или которые не могут мне ответить. Тем же, кто не знает некоторые "петербургские обстоятельства", поэма будет непонятна и неинтересна»²⁰ (57). Возможно, речь идет здесь о реакции Толстого (а кто еще из «ташкентцев» был «современником» Ахматовой, знающим «петербургские обстоятельства?») на «Поэму» в духе его реакции на «Подвал памяти», выраженной не публично, а с глазу на глаз.

Есть несколько свидетельств о темах их ташкентских бесед с Толстым. Они опять вспоминали самоубийство Гумилева -- об этом Ахматовой сделана запись в Записной книжке №22. Л.10 об.: «См. рассказ Т<олст>ого о самоуб<ийстве> в 1908 г., я знаю очень давно. Т<олст>ой подтверд<ил> его в Ташкенте (1942)». В Записной книжке № 17 есть запись «К Модильяни», -- т.е. к очерку о Модильяни, где возникают парижские реалии: «Вернувшись в Москву, я узнала, что <...>Виктор Гофман, с кот<орым> я встречалась в Париже и который оказался тринадцатым на чтении рассказа Ал<ексея> Толстого в «Closierie de lilas», застрелился в извозничьей пролетке», и к ней примечание: «Об этом вспоминал и сам Ал<ексей> Толстой в Ташкенте» (Л. 126 об)²¹.

Вопреки страху Толстого перед спуском в «подвал памяти», Ахматова все-таки вызвала в нем какое-то оживление старых, вытесненных частей его личности, «опоминание». Мне рассказывал Валентин Берестов, бывший в Ташкенте школьником и проживший в 1942 г. некоторое время у Толстых, о том, как Толстой именно в это время показал ему книжку стихов Гумилева и сказал, что напрасно считают Гумилева поэтом экзотическим, последователем французов – нет, он русский, посмотрите сами, -- и прочел стихи о старом нищем и о незаметной дверце в стене – «Ворота рая».

7 марта 1942 г. Чуковская записывает: «По-видимому, NN окрылена похвалами Толстого. Она какая-то возбужденная, рассеянная, помолодевшая, взволнованная»²². Видимо, это и есть момент ее наибольшей эмоциональной вовлеченности в отношения с Толстым. 8 марта она с Чуковской опять посещает Толстого, присутствуют Н.А.Пешкова, К.

²⁰ Ахматова А. Проза о поэме. <Письмо к NN>. <http://anna.ahmatova.com/tvorchestvo/prozao.htm>

²¹ Записные книжки Анны Ахматовой. С. 730, 442

²² Чуковская, указ. соч. Т. 1. С.409.

Там же. С. 411, 414, 416.

Чуковский, В. Левик, но уже нет Уткиных и композитора, и этот вечер нравится посетительницам больше, атмосфера более раскованная²³.

Заметки Чуковской подробно повествуют о толстовских действиях по улучшению быта Ахматовой. С самого начала она пытается мобилизовать Толстого и на то, чтоб принять участие в судьбе осиротевшего, оголодавшего Мура – Георгия Эфрона. Мур описал ее в это время: «Тогда <в феврале> я уже был знаком с Ахматовой, которая деятельно за меня ратовала. Она написала изумительную поэму; пользуется необыкновенным почетом и уважением, часто выступает, вообще “возродилась”. <...> Ахматову всячески протезировал Ал. Толстой (и протезирует)»; «В Ташкенте живет Ахматова, окруженная неустанными заботами и почитанием всех и особенно А.Толстого»²⁴. В середине марта Толстой хлопочет о ее переезде в “Дом академиков”, где комфортно, но дорого, и Ахматова отказывается. Ей шлют от него продукты, которые она раздает, и дрова.

Но самое главное все-таки то, что после совсем еще недавнего выхода сборника «Из шести книг» Толстой берется за издание очередного ахматовского сборника – впоследствии т.н. «азиатки» - в специально созданном местном филиале издательства «Советский писатель», где его голос многое решает. Ахматова «вопреки воле Толстого», поручает отбор стихов для сборника Чуковской. Он доводит начатое дело до конца, и в 1943 году книга выходит.

Как же Ахматова чувствует себя в этой новой и неудобной ситуации «протезируемой»? Судя по запискам Чуковской до записи 7 марта, она участвует во всем этом неохотно. Другое впечатление предстает из мемуаров Дмитрия Толстого:

«Более всего меня удивило то, что А.А.Ахматова, известная своей гордостью и независимостью, придя однажды к нам в дом, держалась так смиренно и почтительно и так осыпала отца комплиментами, как может только страстная почитательница. Это не вязалось со знакомым всем обликом Ахматовой, казалось, ее творчество имеет мало общего с творчеством Алексея Толстого, и аура у них разная, и, можно сказать, они – антиподы. Но Анна Андреевна весь вечер глядела на отца с обожанием. Скоро все выяснилось. Когда Ахматова прочла свою поэму, после минуты замороженного молчания гости стали выражать восхищение. Как хозяин дома в заключение также восторженно высказался отец. Анна Андреевна, не теряя царственной осанки, слегка улыбаясь, непрерывно глядела на отца. Выслушав все похвалы, она сказала: «Я очень рада, Алексей Николаевич, что вам понравилась моя поэма». И прибавила, что имеет к нему просьбу. Он

²³ Там же. С. 411, 414, 416.

²⁴ Георгий Эфрон. Письма. Калининград, 1995. Сост. Е.Б. Коркиной. С. 37-40.

сказал: «Я слушаю вас, Анна Андреевна». И тогда она стала его умолять его вмешаться в судьбу несчастного Льва Николаевича Гумилева, поговорить с кем нужно в Москве, чтобы пересмотреть дело сына, совершенно невинного человека, уже более пяти лет томящегося в концлагере. Эту просьбу она излагала, не стесняясь присутствия гостей (может быть, преднамеренно), которые умолкли, слушая ее. Отец был в некоторой растерянности. Не мог же он сказать, что своим вмешательством он только ухудшит участь Льва Николаевича – подобные примеры были в недавнем прошлом, -- что пытаться влиять в этих делах на Берию или Сталина бесполезно и очень опасно. Но нужно было как-то ободрить мать, страдающую за сына. Отец сказал, что сделает все, что возможно и что в его силах, но не ручается за успешный результат и потому не может ничего обещать. И Анна Андреевна просияла, уцепившись за проблеск надежды, она поверила в то, что отец сможет сделать что-то для Левушки»²⁵. Тут скорее всего запечатлено первое чтение поэмы у Толстых, имевшее место в конце февраля.

Мемуаристу в тот момент было 19 лет, к тому времени он с отцом уже пять лет не жил, (но был вывезен из блокадного Ленинграда и воссоединился с отцом в Ташкенте), и настроен по отношению к отцу был крайне критически, как он сам пишет, «фрондерски». Вряд ли он знал историю борьбы Толстого за сборник «Из шести книг» и за выдвижение его на Сталинскую премию, -- судя по его «черно-белой» картине, вряд ли он представлял себе «подводную» часть отношений двух писателей. Это объясняет его недоумение по поводу поведения Ахматовой, показавшегося ему неискренним. Ни на минуту он не допускает мысли, что Толстой не во всем был для Ахматовой «антиподом».

«Роман» и «предложение»: разговор с Исайей Берлиным. Существует устная легенда, что Толстой в Ташкенте якобы сделал Ахматовой предложение. Ни в одном письменном источнике эта версия не упоминается. На то, что она могла пойти только от самой Ахматовой, указывает ее разговор с Исайей Берлином во время их знаменитой встречи в Ленинграде.

Перевод с английского мемуарного очерка Берлина был сделан группой ученых Кафедры славистики Иерусалимского университета с его разрешения и при его жизни и был им авторизован. Это повышает статус русского текста, но не снимает многих вопросов и неясностей.

²⁵Толстой Д.А. Для чего все это было. СПб. 1995. С. 210; 253-254.

Ахматова сказала: «Толстой меня любил» -- в английском оригинале ²⁶ стоит liked, но отражено здесь явно русское «любил» с встроенной великолепной многозначностью. Продолжение прославленной цитаты не менее амбивалентно. «Когда мы были в Ташкенте, он ходил в лиловых рубашках a la russe и любил говорить о том, как нам будет вместе хорошо, когда мы вернемся из эвакуации»²⁷ (64). (По-английски: «and spoke of the marvellous times he and I would have together when we came back»).

Но в каком смысле «вместе»? У Толстого была новая, молодая и очень красивая жена Людмила Ильинична Баршева (ур. Крестинская), ему самому было почти шестьдесят. Следует ли видеть здесь намек на семейный разлад? Оказывается, и на это могли быть причины. Через два года в подмосковной Барвихе, когда Толстой был уже очень болен, его сын Д. А Толстой отметил ликующее выражение на лице Людмилы Ильиничны, которое он понял так, что она оставалась богатой и независимой, и ей уже не надо было больше скрывать свои романы. В другом месте его мемуаров говорится, что уже в Ташкенте у Людмилы Ильиничны были, как он выражается, «шашни» с сыном историка Виппера. (Ср. эпиграмму Чуковского на этот счет: «Старик терпел большой урон / Пока щенка не виппер вон»²⁸). Вряд ли уместно упрекать мемуариста за чересчур жесткое суждение о супруге отца. Надо принимать во внимание, что сыновья Толстого знали Людмилу Ильиничну с 1935 г. и о нравственном облике ее еще с тех пор имели достаточно полное представление.

В ранней, газетной публикации мемуарного очерка Светланы Сомовой об Ахматовой в Ташкенте «Мне дали имя Анна», где описано чтение Толстым первой части дилогии (происходившее, как мы помним, в конце февраля) также намекается на его ощутимую неудовлетворенность, которую почувствовала Ахматова: «Толстой был весьма значителен со своей львиной, откинутой назад головой и то мягким, то рокочущим голосом. Особенно запомнилось, как он читал ласковые, обращенные Грозным к жене слова «лебедушка», и поглядывал на потупившуюся Людмилу Ильиничну. <...> Анна Андреевна на обратном пути сказала задумчиво: «Вот как будто благополучный и уверенный в себе человек, а внутри – такая тоска по любви. Добротная речь и острый сюжет – все, что нужно для счастья»²⁹. Этот эпизод не приведен у Сомовой в версии,

²⁶ Berlin Isaiah. Meetings with Russian Writers in 1946 and 1956. //Personal Impressions. N.Y. 1980. P. 194.

²⁷ Исая Берлин. Встречи с русскими писателями. 1945 и 1956. Slavica Hierosolymitana V-VI . С.593- 641 (627).

²⁸ Толстой Д.А. Указ. Соч. С.210-211.

²⁹ «Москва», 1984 №3 С. 183; <http://www.akhmatova.org/articles/somova/htm>; См. Окланский Ю. Указ. соч. С. 476-477.

69. Там же. С. 416.

попавшей в «Воспоминания об Анне Ахматовой». «Поглядывание» и «потупливание» скорее всего были слаженной работой на публику, и вряд ли с целью обнародовать внутренний конфликт, а просто чтоб создать связь «Людмила – Темрюковна». Внутреннее неблагополучие Толстого было и без театральных эффектов ясно Ахматовой, знавшей его тридцать лет и навидавшейся «секретарш нечеловеческой красоты».

Ее «некролог» ему. Всеобщее отношение к сообщенному Берлину секрету о ее «романе» с Толстым в Ташкенте недоверчивое. Ахматовой свойственно было преувеличивать и мифологизировать отношение к ней современников, в особенности тех, которые ей нравились, -- а монолог ее, запечатленный у Берлина, специально подчеркивает, что Толстой ей нравился при всех своих недостатках. «Он был удивительно талантливый и интересный писатель, очаровательный негодяй, человек бурного темперамента. Его уже нет. Он был способен на все, на все, он был чудовищным антисемитом, он был отчаянным авантюристом, он был ненадежным другом. Он любил лишь молодость, власть и жизненную силу. Он не окончил своего «Петра Первого», потому что говорил, что мог писать только о молодом Петре. “Что мне делать с ними всеми старыми?” Он был похож на Долохова и называл меня Аннушкой – меня это коробило, -- но он мне нравился, хотя он и был причиной гибели лучшего поэта нашей эпохи, которого я любила и который любил меня»³⁰. В подлиннике, между прочим, «мне нравился» -- это то же самое I liked, переводчики в этом месте сняли опасную двусмысленность, не дав симметричное «любила». Зато о Мандельштаме Ахматова в английской версии говорит «whom I loved and who loved me»³¹, при том, что озвучено было, конечно, все то же слово «любил»: «которого я любила и который любил меня», и при этом речь об отношениях вовсе не романтических, -- что по аналогии задним числом несколько ослабляет и ее применение того же слова «любил» в толстовском эпизоде.

Обычно читатель не обращает внимание на следующую странность: Берлин спросил ее о Мандельштаме, а не о Толстом, она же свернула с него на Толстого и ответила знаменитым вышеприведенным монологом, и только под конец вспомнила и довольно неуклюже завернула его обратно, вырвав на тему первоначального вопроса – о Мандельштаме.

Почему она свернула на Толстого? Если вспомнить, что для Ахматовой и Н.Я.Мандельштам пощечина, данная Мандельштамом Толстому, означала начало катастрофы (вне зависимости от действий или бездействия самого Толстого), возможно, что ее собственные отношения с Толстым в Ташкенте в ее собственных глазах требовали

³⁰ И. Берлин. Указ. соч., там же; Комментарии и споры вокруг этого пассажа см. Оклянский, С.445-449, 455-457.

³¹ См.сн. 26.

объяснения? Толстой совсем недавно, в феврале того же года, умер, что для Ахматовой не могло не явиться поводом для воспоминаний.

В этом монологе вообще много странного. Он должен произвести впечатление частых встреч, повседневной близости: эффект упоминания рубашек и излюбленного им уменьшительного для ее имени – вещей совсем неравнозначных -- в одной фразе: «ходил в лиловых рубашках ...и называл меня Аннушка» несомненно взят из поэтики *pate-dropping*. Даже если склеил их сам Исая, то в память той светской интонации пренебрежительной интимности, которую он уловил.

Кстати о рубашках *a la russe* –этот вид одежды был привычен Толстому с детства («Детство Никиты» и рощинская рубашечка, вспоминаемая им во втором томе трилогии). В русской литературе за блузой без воротника, навывпуск, в честь введшего ее в моду Льва Толстого закрепилось название толстовки. Такую блузу, шитую у лучшего портного из тонкой шерсти, носил и Горький. В жарком Ташкенте весной и летом толстовка была единственно возможной для одышливого толстяка одеждой. Лиловая – какой попался сатин. Но ахматовский Алексей Толстой в бутафорских лиловых рубашках *a la russe* – это и стилизатор русского язычества, и стилизатор собственного имиджа, и ушкуйник, Васька Буслаев, нечестивец, и так далее.

Однако было ли ей нужно постфактум приближать к себе Толстого и преувеличивать его отношение к ней? Мы убеждены, что нет. Конечно, спонтанный Толстой потянулся к ней, и, разумеется, вслух мечтал о том, что война все изменит (мы знаем, что он надеялся на то, что война принесет России избавление от тоталитарного строя), и им, разделенным социальными перегородками, будет возможно «быть вместе». И наверняка Ахматова инстинктивно давала ему понять, что она в восторге от его отношения, от его образа, от его таланта.

Отвечая на мой вопрос о возможном романе Толстого в Ташкенте, Дмитрий Алексеевич Толстой бурно запротестовал. Он утверждал, что Ахматова просила Толстого заступиться за ее сына таким образом, чтобы связать его обещанием, данным при многих свидетелях. На его взгляд, такая принудительная стратегия совершенно не вязалась с гипотетическим романом. Кажется, однако, что Ахматова не могла не использовать этот шанс: принудительность заключалась в самой ее ситуации. И то, что она использовала свое влияние на него, вовсе, на наш взгляд, не отменяло человеческого притяжения. Одно несомненно: когда Толстой опекал Ахматову, ей было это тягостно и неудобно. Чуковская записывает слова Ахматовой 11/1-42: «”Меня так балуют, будто я рождественский мальчик. (...) Утром открылась дверь и шофер Толстого принес дрова, яблоки и варенье. Это мне совсем не понравилось. Я не хочу быть обязанной Толстому”»

³². Рождественского мальчика кормят раз в году для очистки совести. Вряд ли это справедливо описывает интенции Толстого. Однако ташкентская жизнь была прозрачна для посторонних -- и Ахматова, несомненно, чувствовала нужду свои отношения с Толстым оправдать и занизить перед своим окружением, и в первую очередь перед явно не одобряющей Толстого Чуковской, (а впоследствии и перед Чапским).

Каков был эмоциональный фон этих отношений для Ахматовой? Главным горем была неотвязная мысль о сыне-узнике, -- но не единственным: не получая вестей от оставшегося в блокадном Ленинграде Владимира Гаршина – предмета ее последнего серьезного увлечения, она приходит к выводу, что его нет в живых; в марте проезжает через Ташкент эвакуированная из Ленинграда в Самарканд Академия художеств и с ней – тяжело больной Н.Н.Пунин (его считают умирающим), отношения с которым у Ахматовой давно прерваны. 21 марта Ахматова встречает на вокзале его эшелон, и они прощаются друг друга, как бы предсмертно³³.

Но самое удивительное то, что уже в конце марта беды начинают сыпаться и на Толстого -- как будто ахматовское неблагополучие, которому он попытался помочь, оказалось заразным. Отклики на «Ивана Грозного» оказываются вовсе не положительными. Историки совершенно справедливо возмущены чересчур свободным обращением писателя с фактами. На обсуждении пьесы В.И. Немирович-Данченко весьма критично отзывается и о художественной стороне пьесы. Отзывы были суммированы в докладе председателя Комитета по Сталинским премиям М.Б. Храпченко. На этой базе Щербаков предложил Сталину не только отклонить пьесу для представления на премию, а вообще запретить, и пьеса была снята с репетиций и изъята из списков произведений, представленных на премию. (Она была в это же время издана тиражом 200 экземпляров – для ведомственных нужд). Все это выясняется в конце марта.³⁴ (70). Положение Толстого незавидное. Он-то был уверен в себе, думая, что поддержка власти пьесе обеспечена, а власть, как он ее понимал, не гналась за исторической точностью, ей была нужна новая мифология. Наверняка он встревожен. И Ахматова наносит визит Толстому, желая его утешить.

Зато советские писатели злорадно ликовали: Погодин ругал Толстого за приспособленчество!³⁵.

³² Чуковская, указ. соч. Т. I. С. 383.

³³ Там же. С. 416.

³⁴ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о культурной политике. 1917 – 1953 гг. Сост. А.Артизов и О.Наумов. М., 2002. С.478, 486.. 72. Толстой А.Н. ПСС. В 15 тт. Т. 10. 1949. С. 525-526, 547-549, 564-568.

³⁵ Иванов Всеволод. Дневники. М.2001.С.89.

Суди. От тебя стерплю. Интересно было бы предположить, что ташкентское сближение Толстого и Ахматовой и его эмоциональная составляющая, какова бы она не была, как-то отразилось в его текстах. Не о внешнем, а о внутреннем неблагополучии свидетельствует пьеса «Трудные годы», вторая часть дилогии, писавшаяся в Ташкенте весной-летом 1942 г. Пьеса изображает Грозного, оставшегося одиноким. Личная драма царя сосредоточена здесь уже не вокруг Темрюковны, а вокруг совершенно другой женщины, которую Грозный называет «Аннушка», так же, как любил называть Ахматову в Ташкенте Толстой, о чем она специально сообщила Берлину. В заглавии пьесы отчетливо слышится параллель с названием книги рассказов Толстого революционного периода «Лихие года», вышедшей в Берлине в 1922 г. Но кроме того, это и цитата из гл. 39 («Последнее свидание») романа А.К.Толстого «Князь Серебряный»: «Трудные у нас годы настали, государь! И в божьих обителях опальным укрыться нельзя» -- говорят князю Никите Серебряному, когда он хочет видеть свою любимую, укрывшуюся в монастыре после казни мужа. Игуменя сетует, что даже и родственников казненных повсюду разыскивают и карают. Но князь Серебряный не каратель – он отказался участвовать в опричнине, что и приводит его к потере любимой и участи безвестного воина. Хотя сюжет пьесы «Трудные годы» открыто восхваляет внешнюю политику Грозного и его борьбу с внутренними оппонентами, проецируя их на политику Сталина, но этот «утопленный» интертекстуальный фон глухо противоречит эксплицитному звучанию пьесы в том, что касается сталинской новой опричнины.

Главным же обвинителем Грозного в «Трудных годах» выступает его тайная любовь, княгиня Анна Вяземская³⁶. Эта фиктивная героиня увлечена Иваном, не зная, кто он, и несчастлива с мужем. Опасаясь начинающейся опалы царя, Афанасий Вяземский привозит нелюбимую жену в стан Грозного и просит царя о ней позаботиться. Царь в ярости, что князь «непродажное продал», кидается на Вяземского, и появившаяся Анна наконец понимает, кто такой предмет ее тайной любви. Ратное величие царя ослепляет ее, и она в восторге следит за битвой, видя в Иване сказочного воина.

Любя Ивана, Анна Вяземская несогласна с его политикой и этим напоминает царицу Анну Васильчикову из ранней драмы Островского "Василиса Мелентьева": та сетовала на царя, что у него руки в крови. Здесь тоже разговор касается мытья рук, и Иван уверяет, что они у него чистые. В уста своей Анны автор вкладывает жестокие обвинения:

«Плахи в Москве понаставил... Головы рубишь... По площади в черной шапке, с нечесанной бородой, с опричниками скачешь, ровно Кудеяр-разбойник. Эх, ты... Про тебя

³⁶ Толстой А.Н. ПСС. В 15 тт. Т. 10. 1949. С. 525-526, 547-549, 564-568.

бы малым ребятам - лучину зажечь - сказки рассказывать... Вот какой ты был Иван-царевич... У коня твоего дым летел из ноздрей... Теперь про тебя в Москве и шопотом говорить боятся... Эх, ты...».

Однако Иван не сердится:

«Ждал я, придут взыскующие к моей черной совести. Только не тебя ждал. Ну что ж. Суди. От тебя стерплю»; «Кори, жалуйся... Хоть голос твой послушаю...»

Ивану необходимо, чтобы Анна приняла его оправдания: на ее обвинение в разбое против собственного народа он отвечает: «Мое дело - добро человекам». Но Анна восклицает: «Нет!». Тогда Иван признает за собой грех гордости: «Одному мне с обремененной совестью трудно идти на суд... Есмь грешник великий; ибо взял на себя в гордости и в ревности больше, чем может взять человек!»

Тем временем оказался заговорщиком и «взят в железа» князь Вяземский. Иван пытается убедить Анну принадлежать ему: «В котел кипящий кинусь, чтоб ты, Анна, увидела - я чист перед тобой»; «Лазоревые глаза твои, невинные... Далеко ли до них мне идти еще? Аннушка...».

Но она отвергает возможность такого счастья, потому что это «нехорошо» и ему «спокою не даст»: «Батюшка мой... Желанный...Осталось мне -- прикрыться черным платочком...», -- рыдает она и отправляется принимать постриг.

Ахматовское в образе Вяземской. Создается ощущение, что в пьесе «Трудные годы» Толстой строит образ героини на непрямых, разнонаправленных аллюзионных связях, которые вместе создают некую ауру, сопоставимую как с самыми общими чертами ахматовского публичного имиджа, так и с общим настроем ее поэзии. «Пушкинским» черточкам в ее славе, столь тщательно ею культивируемым, соответствует фамилия героини – древняя княжеская фамилия, одновременно и фамилия ближайшего к Пушкину поэта и литератора.

Образ Вяземской входит в пьесу в ауре глубокого и искреннего благочестия: Иван ищет встреч с ней в соборе, и в ней просыпается ответная любовь, смешанная со страхом Божиим: «Лики святых глазастые...». Поэтизация истовой религиозности Анны звучит волнующе ново. Религиозная тема не приветствовалась в довоенные десятилетия, но с начала войны Сталин взял курс на возвращение религии и открыл церкви.

В интересующем нас аспекте эта тема указывает на демонстративно сохраняемую Ахматовой в течение всего советского периода церковную религиозность. Считается, что послереволюционный, новый образ Анны Ахматовой -- «монахини-блудницы», навсегда застрявший в полуинтеллигентном сознании литературного начальства, впервые лансировал Б.Эйхенбаум в 1922 г. в исследовании «Анна Ахматова. Опыт анализа».

(Петербург, 1923). Однако, за некоторое время до него именно эту идею почти теми же словами выразил Корней Чуковский в популярном и ярко написанном очерке «Ахматова и Маяковский» (вышел в 1921, а впервые прочитан в виде лекции еще в 1920 г.) Очерк начинался фразой: « Читая “Белую Стаю” Ахматовой, -- вторую книгу ее стихов, -- я думал: уж не постриглась ли она в монахини?» Кажется, что следующее место в очерке Чуковского могло подтолкнуть ход мыслей Толстого, подсветившего свою древнерусскую женщину тонами поэзии Ахматовой:

«Она последний и единственный поэт православия. Есть в ней что-то старорусское, древнее. Легко представить себе новгородскую женщину XVI или XVII века, которая так же озарила бы всю свою жизнь церковно-православной эстетикой и смешивала бы поцелуи с акафистами»³⁷. Как видим, Чуковским уже намечен двойственный образ монашки-грешницы. Ахматова потом сравнивала себя с женщиной XVII века – но в несколько другом ключе, без православной эстетики и без смеси поцелуев с акафистами: с боярынею Морозовой.

Духовный мир толстовской Анны – это песенно-сказочная стихия, изъясняется она фольклорными параллелизмами: «В Москве и кукушка-то не кричит, одни разбойники свистят по ночам... А <...> на Истре сейчас - заря румяная, туман над речкой, кукушка в роще проснулась... Мамка, почему меня муж не любит?» И по мере развития сюжета, корит себя в таком же то ли фольклорном, то ли неуловимо «ахматовском» ключе: «Мужа забыла, прялку за окошко закинула. Умываюсь поутру - на щеках вода кипит от стыда...». Эти фольклорные распевы, гиперболы, параллелизмы в речах Анны, кроме «реалистической» характеристики поэтически, хоть и традиционно чувствующей женщины шестнадцатого века – еще и направлены на излюбленные приемы ахматовской поэзии.

Цветовые обозначения во фразах «голубка сизая» и «глаза твои лазоревые» также многосмысленны: тут и серо-голубой цвет глаз возможного прототипа, и небывало-райская, богородичная природа героини, какой она кажется герою ведь стабильными атрибутами русской Богородицы являются лазоревые цветы и голубой убрус. Этот «райский» оттенок смысла подкреплен фразой, в которой можно увидеть и комплимент «прекрасной душе» героини, и социальный диагноз ее мыслимого прототипа: «Во снах блаженных такие-то живут». Тут слово «блаженный» играет всеми своими значениями

³⁷ Корней Чуковский. Ахматова и Маяковский. //Собрание сочинений. В 15 тт. Т.8. М. 2004. С. 518, 520.

сразу: так посмотреть – имеется в виду нечто вроде святости, *beatitude*, посмотреть эдак – можно услышать снисходительно-жалостливую ноту «социальной неменяемости».

Весьма сложную роль играет и мотив Ивана-царевича. Героиня воспринимает Грозного в сказочном контексте: «перед глазами - скачет, скачет мой Иван-царевич, а я за ним клубочком качусь...» Иван-царевич в сказках иногда идет за волшебным клубочком, указывающим направление. Здесь сама героиня катится, его сопровождая, клубочком (в этом сходство, наверняка ненамеренное, ее с сологубовской Недотыкомкой). Но «Иван-царевич» -- еще и отсылка к названию той главы романа «Бесы», в которой Верховенский-младший искушает Ставрогина властью в новом, замышляемом заговорщиками тоталитарном порядке, -- и этот контекст бросает совершенно другой свет на Ивана пьесы (или на его современного прототипа) – как на чудовищное осуществление тоталитарной мечты «беса», и опять на миг возникает ощущение интертекстуального «двойного дна». В особенности сиюминутно звучат упреки Анны, что про Ивана **в Москве и говорить боятся**, и т.д. Подобные упреки воспринимаются как адресованные через голову Ивана Сталину. Толстой, несомненно, знал о роли Сталина в предвоенной перемене судьбы Ахматовой и ее возвращении читателю. Делая своего Ивана Грозного тайно влюбленным в поэтическую и не одобряющую его с политической точки зрения княгиню Вяземскую, он как бы предъявлял Сталину его внимание к судьбе Ахматовой как признак того, что конфликт между старой и новой культурой, возможно, уже исчерпан. Здесь он вновь инсценировал ситуацию, когда враждебные политические полюса притягиваются друг к другу любовью – ведь что-то подобное было уже в «Дне Петра».

«Эх, ты...» Но в пьесе различим и другие возможности толкования. В ней слышатся упреки Толстого самому себе. Вспомним, ведь «Иван-царевич» -- это еще и автоцитата: так называлась в одной из версий глава романа «Егор Абозов»³⁸, где отчетливо автобиографическому герою пророчила блестящее литературное будущее женщина-вамп, пожирательница мужчин Салтанова, она же – арбитр вкуса столичного молодежного литературного кружка, частично впитавшая кое-какие черты Ахматовой³⁹.

Никогда, конечно, в Ташкенте ничего похожего не могло быть сказано вслух. Но Толстой, должно быть, слышал голос, говорящий ему нечто подобное, голос не самой Ахматовой, а той подавляемой части его души, которую пробудило общение с Ахматовой в

³⁸ «Призраки». Отдел рукописей ИМЛИ. Ф. 43 оп. I. ед.хр.59.«Иван-Царевич» (Там же).Гл. 5-ая. Вариант романа «Егор Абозов». Машинопись с авт. правкой [1915] 7л. -- Ф.43. оп. 1 ед.хр. 51.С. 54.

³⁹ Ср. Лада Панова. Пушкинская Клеопатра под чужими именами (A Short List) // Кириллица, или небо в алмазах: Сборник к 40-летию Кирилла Рогова (2006) . www.ruthenia.ru/document/539855.html

хаотической и относительно свободной ташкентской обстановке. Двукратное «Эх, ты...» Анны напоминает язык простейших слов, которым разговаривает с Иваном Ильичом его душа у Толстого Льва. Да Иван и сам говорит: «Таких речей тебе не придумать и таких слов не подобрать, какие сам себе повторяю...»

Анна Вяземская указывает на заслуженную Иваном славу, которую он только марает нынешним поведением: «Про тебя бы малым ребятам лучину зажечь – сказки рассказывать». Если это отнести к нашему автору, то тут уловим отзвук ранних его, «сказочных» лет, 1910-х гг., -- а может быть, и эхо яркого зачина «Петра Первого», где есть и малые ребята, и лучина, и сказки. Ведь «Петр» нравился всем, даже тем, кто Толстого не одобрял.

Среди самооправданий Грозного его одиночество оказывается чуть ли не главным доводом: «Гляди – постель моя постылая, а ночь долгая»; «Убили мою орлицу. Теперь живу один. Малюта Скуратов – и тот стал меня бояться... В черной шапке по площадям скачу, давлю добрых людей... Тело мое не возлюблено...» Нам кажется, что сквозь эти очевидные слои смысла сквозит голос самого писателя, переживающего, наверно, самые трудные годы в своей жизни, и не только из-за войны, сорвавшей всех с мест, но и из-за террора, который, как не мог не чувствовать Толстой, подбирался все ближе, и из-за ненадежной жизненной спутницы, цену которой он, видимо, уже понял. Это сам Толстой одинок, это его постель постылая, его тело не возлюблено. Рисунок отношений героев в пьесе сходен с картиной, что сложилась в Ташкенте: одинокий, тоскующий Грозный влюблен в «блаженную», истовую и строгую к себе и другим Анну Вяземскую, жену арестованного князя. И хотя она любит царя, но это ничему не помогает: во-первых, Анна не одобряет политическое поведение Грозного, а во-вторых, в создавшейся ситуации принадлежать ему считает морально неприемлемым.

А в самом конце линии Вяземской звучит и то, что кажется узнаваемой цитатой из Ахматовой: «Осталось мне – прикрыться черным платочком». Ср.: «Но за те восемнадцать строчек / Подари мне вдовий платочек» -- слова из одного из вариантов «Энума Элиш. Пролог, или Сон во сне». Так называлась драма абсурда, которую Ахматова писала в Ташкенте в 1943 г. Она была Ахматовой уничтожена, а в шестидесятых частично восстановлена по памяти. Однако с трудом верится, что стихи из «Пролога» Ахматова читала Толстому. В 1943 г., когда писался «Пролог», Толстого уже не было в Ташкенте -- но даже если допустить, что стихи эти были написаны раньше и Толстой слышал их от Ахматовой, почему о них не упоминает ее первый слушатель – Чуковская? Разве что они возникли в тот краткий интервал, когда Чуковской уже не было с ней рядом, а Толстой

еще не уехал в Москву – а он уехал в начале лета, осенью вернулся и вскоре уехал окончательно?

Скорее всего, все обстояло с точностью до наоборот, и «вдовый платочек» возник у Ахматовой в 1943 г. как эхо слов Анны Вяземской «Остается мне – черным платочком накрыться» из второй толстовской пьесы о Грозном (это не касается другого варианта: «вдовый кусочек», т.е. вдовья доля⁴⁰). Другой вопрос – где она могла их слышать: Толстой, ожегшись с первой частью, не устраивал чтений второй. Впрочем, в 1943 г. пьеса «Трудные годы» была тоже опубликована ведомственным тиражом в 1000 экземпляров. Ахматова продолжает бывать у Толстых и в апреле, и идут хлопоты вокруг издания ее книги. В начале мая она еще по крайней мере один раз читала поэму у Толстых – в тот самый вечер, когда на чтении присутствовал польский поэт, офицер создававшейся в тот момент в России Андерсовской армии, Юзеф Чапский, описавший этот вечер в своих воспоминаниях. Чапскому она сказала, «отмежевываясь», что бывает у Толстого только затем, чтоб узнать, нет ли вестей о сыне – т.е. удалось ли Толстому по ее просьбе ходатайствовать о Леве⁴¹. (Потом эту встречу приписывают Толстому в качестве «английского шпионажа», в котором его, однако, не успеют обвинить власти – он смертельно заболеет).

В любом случае, Толстой в начале лета покидает Ташкент, живет летом под Москвой и возвращается в Ташкент только осенью, ненадолго (и тогда посещает Ахматову в больнице).

Есть соблазн прочесть в духе гипотезы о «романе» ташкентское стихотворение Ахматовой «Какая есть. Желаю вам другую...», написанное в конце июня – датированное днем рождения Ахматовой, 24 июня. Оно выдержано в «разрывном» тоне: здесь и жестко подчеркнутый мотив социальной розни, и прикосновенность к народной трагедии – в отличие от адресата, «знатного путешественника», уютно расположившегося в жизни, как в кресле, – и отказ от любовных отношений, в обмен на которые предлагаются какие-то блага («Больше счастьем не торгую»), -- при том, что сама героиня называет себя «Чужих мужей вернейшая подруга» -- что могло бы быть указанием на несвободу и адресата:

Какая есть. Желаю вам другую,
Получше. Больше счастьем не торгую,
Как шарлатаны и оптовики...

⁴⁰ Тименчик Р.Д., сост. Анна Ахматова. Requiem. В пяти кн. Кн. 3. М. 1989. С.180.

⁴¹ Чапский Юзеф. Глава из книги "На бесчеловечной земле". Впервые: Вестник РХД, 1989. № 156. С. 157-163.

Пока вы мирно отдыхали в Сочи,
 Ко мне уже ползли такие ночи,
 И я такие слышала звонки!

Не знатной путешественницей в кресле
 Я выслушала каторжные песни,
 А способом узнала их иным <...>

24 июня 1942. Ташкент⁴².

Героиня отбрасывает морально невозможный вариант судьбы, который косвенно суггестируется в начале стихотворения, и примеряет на себя, как более «подходящую», трагическую судьбу Марины Цветаевой; стихотворение заканчивается загробным явлением тени Гумилева, как бы напоминающей героине о ее высокой и скорбной роли.

Кажется, что «шарлатаны и оптовики» в этих стихах -- это брошенный в лицо упрек неутомимому поставщику халтуры, каким все более воспринимался в обществе Толстой. Упрек мог быть еще актуальнее в свете уничтожающей дискуссии о первой части «Грозного», которая имела место в Ташкенте и была известна всем. Кажется, сама сила «отказа», сама мощь приводимых контраргументов говорят о том, что вопрос стоял всерьез.

Финал. Судьба последнего крупного проекта Толстого была бурной и не слишком удачной. Чувствуя, что на карте стоит больше, чем судьба пьесы, 2 июня 1943 года Толстой посылает Сталину вторую часть диалогии, «Трудные годы» и сопровождающее письмо с точно рассчитанным разъяснением, где подсказывает Сталину осмысление террора Грозного как одного из «своеобразий русского характера», делает упор на устремленности к добру царя и настаивает даже на его мягкости⁴³. Письмо срабатывает, имеет место телефонный разговор Сталина с Толстым. Толстой перерабатывает обе пьесы по указаниям вождя и вновь пишет, дословно прося его благословения: и вождь, наконец, благословил – то ли Толстой его взял измором, то ли Сталин был польщен, что получил возможность соучастия в литературном процессе.

Первая часть в переработанном виде была поставлена осенью 1944 г. в Малом театре, однако после ряда отрицательных рецензий все же снята с репертуара. Вторую часть

⁴² Анна Ахматова. Сочинения. В 3 тт. Т.2. Мюнхен. 1968. С. 142-143.

78. Толстая Е.Д. Деготь или мед. Гл. 12. Штрихи к портрету. Фило- и антисемитизм Алексея Толстого. С. 419-445.

79. Чуковская, указ. соч. Т. 2. С.429.

⁴³ Сюжет с письмом изложен в: Екатерина Суровцева. Письмо-дифирамб как жанровая разновидность «письма вождю». //Болгарская русистика, 2006, № 3-4. С. 78.

поставили в 1946 г., уже после смерти Толстого, во МХАТе, но без особого успеха. Власть не поддержала толстовскую концепцию, несмотря на всю ее сервильность, видимо, именно потому, что Толстой, несмотря на всю сталинскую цензуру и всю самоцензуру, все равно повернул своего Ивана чересчур интимной стороной, сделал его слишком не чуждым человеческим страстям и отсюда -- по-розановски -- вывел крайности его политического поведения. Эта отягощенность толстовского царя «женолюбием» неизменно раздражала власть. «Этого она не заказывала» -- она заказывала переосмысление политики Грозного в нужном ей духе, применимое к современности. Перенесение чувств Грозного на его современного прототипа, запрограммированное пьесой, совершенно ей было не нужно. Ведь оно могло приводить на ум сюжеты и вовсе неудобомыслимые, например, историю Аллилуевой.

Меньше чем через год после его смерти Ахматова интригуяще рассказала о своем противоречивом притяжении-отталкивании от Толстого Исаяе Берлину, фактически «опубликовав» эти отношения как свою победу, плоды которой она пожать отказалась. Возможно ли, что она желала привлечь внимание к очередному своему «зеркалу», Анне Вяземской, сходство которой с оригиналом читатели так и не заметили – не прочли, или побоялись заметить, или не сочли нужным? Подчеркнув колоритность и талантливость Толстого, она невероятно преувеличила его недостатки -- без достаточных оснований обвинив его в гибели Мандельштама и в «чудовищном антисемитизме».

Отношение Толстого к евреям менялось⁴⁴, и ничего чудовищного не было в интеллигентском «вторичном антисемитизме», вызванном еврейской активностью в революции. Этот антисемитизм он разделял с очень многими и, наверно, не скрывал его от Ахматовой. В 1960 г., говоря Чуковской о лживости мемуаров Эренбурга, она назвала Толстого «лютым антисемитом»⁴⁵, о чем Эренбург предпочел не упомянуть. (Конфликт Толстого с Эренбургом поначалу действительно имел отношение к нескольким весьма мало заметным антисемитским ноткам в кое-каких рассказах революционного периода и толстовском революционном романе в его первой редакции – но ненависть Толстого к Эренбургу, как я пыталась показать, все же развилась по причинам литературно-политического, а не национального свойства).

⁴⁴Толстая Е.Д. Деготь или мед. Гл. 12. Штрихи к портрету. Фило- и антисемитизм Алексея Толстого. С. 419-445.

⁴⁵ Чуковская, указ. соч. Т. 2. С.429.

В результате у Ахматовой возник замечательно выпуклый и выразительный «фальстафовский» образ, своеобразный некролог романтическому «очаровательному негодяю», в котором, однако, не слишком много сходства с оригиналом и слишком много фактических погрешностей – наверно, Толстой бы возмутился, что на него возлагают ответственность за гибель Мандельштама. Удивился бы он, что его сравнивают с Долоховым? Есть только одно объяснение этому сравнению: чтоб удостоиться его, он должен был рассказать Ахматовой о своих смертельных играх со Сталиным.

Как бы то ни было, в последующие годы в разговорах Ахматовой оценки Толстого (возможно, с учетом ожиданий слушателей) становились все более негативными и ироническими. М.И Будыко суммировал свои разговоры 1960-х с Ахматовой о Толстом следующим образом⁴⁶:

«А.Н.Толстой. Желтая (бульварная) литература. Книгу «Хождение по мукам» А.А. отрицала, не читая. Однажды она собралась с силами и прочла часть, и теперь у нее есть доказательства ничтожества этой книги. Образ Бессонова – недопустимое оскорбление Блока. Отрицание этого Эренбургом – неправда. (А.А. при этом назвала его “круглогодичный лжесвидетель, добавив, однако, что не относится плохо к Илье Григорьевичу). Роман сильно изменился после первого парижского издания. Там эмигрант Толстой порицал «Двенадцать» Блока. Потом все изменилось.

Толстой вырос на Волге и в Петербурге был чужой. Он не был похож на человека из общества. Сначала он учился в Технологическом институте, но из-за революции 1905 года учеба оборвалась, и он уехал в Париж⁴⁷. Потом провел несколько зим в Петербурге, пытаясь заниматься литературой, но с полууспехом. В. Иванову и другим знатокам он не нравился⁴⁸. Затем он переехал в Москву, где прославился и у него появились большие деньги. Тогда он развелся со своей женой С.И. Дымшиц и женился на художнице Крандиевской, добившись ее развода (бывшего мужа Крандиевской он очень боялся)⁴⁹. В

⁴⁶ Будыко М. Рассказы Ахматовой. // Об Анне Ахматовой. Стихи. Эссе. Воспоминания. Сост. М. Кралин. Л.1990. С. 483-484.

⁴⁷ После закрытия Технологического института в 1906 г. Толстой доучивался в Дрездене, а в Париже прожил с января по ноябрь 1908 г.

⁴⁸ Вспомним, что в 1920-х она не соглашалась с ивановской низкой оценкой Толстого: Лукницкий Павел. Асуміана. Т.1. 1924-1925. УМСА-Press. 1990. С. 184. Об уроках тайнописи у Иванова см.: Шишкин Андрей. Велимир Хлебников на «Башне» Вяч. Иванова // НЛО, № 17, 1996, с. 141-167.

⁴⁹ Связь между успехом в Москве, большими заработками -- и расставанием с Дымшиц и женитьбой на Крандиевской в реальной биографии Толстого никак не прослеживается. Дымшиц сама оставила Толстого. Дымшиц была художница, Крандиевская – поэтесса. С Дымшиц развода не было, потому что не было брака. У Крандиевской развод с первым мужем тянулся долго, до весны 1917 г., когда Толстой с ней, наконец, смог обвенчаться. Мужа Крандиевской Толстой вряд ли боялся – Ахматова путает его с персонажем рассказа Толстого «Искры» (1915), отразившего какие-то подробности романа с Крандиевской. В рассказе покинутый муж-ревнивец убивает обоих любовников.

«Хождении по мукам» клеветнический образ Елизаветы Киевны это Елизавета Кузьмина-Караваева, человек необычайных душевных достоинств, («католическая святая»)⁵⁰. О Бессонове лучше не говорить, его приключения на островах – это, может быть, приключения Толстого, но не Блока. Блок не любил Толстого, о котором имеется очень грубая запись в дневнике Блока⁵¹. Блок был вообще груб. Он, вероятно, сказал это Толстому. <...> Показав мне книгу Толстого с записью для А.А. – очень сдержанной, заявила: “Толстой меня обожал”. Когда А.А. отказалась от его помощи при получении квартиры, Толстой назвал ее «негативисткой»⁵². А.А. считает, что такое ее качество относится только к Толстому.

(Примечание. В «Хождении по мукам» есть оскорбительные и явно несправедливые строки об Ахматовой, которая, однако, не названа там по имени)⁵³.

Можно гадать о причинах того, почему мемуарные и документальные свидетельства не сохранили никаких следов истории отношений Ахматовой с Толстым. Но, запечатленная в художественных текстах, эта история есть необходимый контрапункт официальных биографий двух этих современников – выходцев из Серебряного века.

⁵⁰ См. Толстая Е. Деготь или мед. Главка «Химера революции».

⁵¹ А. А. Блок. Собр. соч.: В 8 т. Т. 7. М. -Л, 1963. С. 218. Ср. : О. П. Смола. А. Н. Толстой и А. А. Блок. К истории литературных отношений // А. Н. Толстой. Материалы и исследования. М., 1985. С. 194-204.

⁵² Резоны такого отказа ясны – дороговизна комнаты, предлагаемой Толстым, и желание быть среди сложившегося вокруг нее кружка почитателей, поддерживающих ее и обслуживающих. Ср. Чуковская, указ. соч. Т.1. С. 414, 416.

⁵³ Ср.: «Посмотри – вон там, в углу сидит одна – худа, страшна, шевелиться даже не может: истерия в последнем градусе, -- пользуется необыкновенным успехом.» - Толстой А.Н. Полное собрание сочинений. В 15 т. Т.7. 1947.С. 227